

Священник Александр Ельчанинов

Записи

Александр Ельчанинов

Записи

Православное издательство "Сатисъ"

1934

Ельчанинов А.

Записи / А. Ельчанинов — Православное издательство "Сатись",
1934

ISBN 5-7373-0102-8

В книгу о. Александра Ельчанинова «Записи» вошли фрагменты из его дневника, содержащие размышления автора о вере, жизни и смерти, грехе и покаянии и многих других вопросах духовной жизни.

ISBN 5-7373-0102-8

© Ельчанинов А., 1934
© Православное издательство
"Сатись", 1934

Содержание

Священник Александр Ельчанинов	6
Отрывки из дневника[1]	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

о. Александр Ельчанинов

Записи

© Издательство «Сатисъ», 2019

Священник Александр Ельчанинов

«...Ему можно было сказать о том, что никому другому не доверил бы. У него можно было искать разрешения разных сомнений и советов в трудных случаях жизни. Его влияние пересиливало, если не исключало, все остальное. Наша привязанность к нему была безгранична, но влиянием своим он пользовался с исключительной осторожностью. Никому ничего никогда не навязывая, он старался только помочь каждому найти правильный путь в ту сторону, куда каждого из нас влекло».

«...В этой жизни он не был гостем; он был наш, он принадлежал нашей эпохе, нашей культуре, нашему кругу людей и интересов. Поэтому так живо и так просто можно было беседовать с ним о всех вопросах современности. Но все, что он говорил, было освещено каким-то одним внутренним смыслом, было связано одной идеей и чувствовалось, что многообразие жизни есть для него подлинная и живая риза Божества.

Отсюда та сердечность, та внутренняя строгость, которыми дышали его слова. У него не было предвзятых точек зрения, он легко всживался в любую мысль; но душа его стояла на камне, и это придавало его беседе исключительную ценность; он мог говорить обо всем, всегда говоря о том же; шел вместе с собеседником, как друг, и невольно вел его, как учитель».

Из воспоминаний современников

24 августа 1934 г. скончался после долгой и мучительной болезни о. Александр Ельчанинов. Смерть вырвала его в полноте сил, когда он готовился вступить на новое поприще пастырского служения в Парижском кафедральном соборе, куда он призван был митрополитом Евлогием после внезапной смерти о. Георгия Спасского. Болезнь, жестокая и неожиданная, поразила его и, как хищный коршун, выпила из него все жизненные силы. Казалось, отягощенного на нем десница Господня, и, как Иов на гноище, лежал он на одре болезни, который сделался для него и одром смерти. Все, что могла сделать человеческая помощь и самоотверженная любовь, было сделано для него, но Господь судил призвать праведника в Свою обитель, и туда возлетела его светлая, чистая и праведная душа, неудержанная человеческими усилиями. Судбины Божии неисповедимы, и не о нем, упокоившемся в стране живых ныне надо сожалеть, а о себе самих, без него оставшихся. Ибо горькая утрата для живых есть его уход от нас. Я не позволю себе здесь касаться святыни скорби его собственной семьи, но его духовная семья простиралась далеко и широко за пределы этой последней. Он был священник и пастырь, который связан был нитями духовноотеческой любви с множеством душ, которые теперь почувствуют себя осиротевшими, потерявшими кроткого и любящего отца и друга. Эти слезы и эта любовь ведомы только небу, о них не будет рассказано в летописях истории, хотя то, что совершается в сердцах, есть самое важное, что вообще происходит в жизни. Не только по личным качествам, пастырской призванности и одаренности, совершенно исключительной, но в особенности по своему типу о. Александр, как священник, представлял собой явление необычайное и исключительное. Ибо он воплощал в себе органическую слиянность смиренной преданности Православию и простоты детской веры со всей утонченностью русского культурного предания. Он был одним уже из немногих в эмиграции представителей старой русской культуры, достигшей перед революцией, в особенности в тех петербургских и московских кругах, в которых он вращался, своего рода зенита. Здесь биография почившего вплетается в историю этой русской культуры, о чем пишущий эти строки может быть и историческим свидетелем.

Мое знакомство с студентом, сначала Петербургского университета, а потом Московской академии, А. В. Ельчаниновым относится к эпохе примерно 30 лет тому назад в Москве. В это время выделялась и обращала на себя внимание молодая группа мыслителей, писателей и церковных деятелей, связанная между собою не только личной дружбой, но и товариществом по школе. Судьбе было угодно, чтобы на одной школьной скамье в Тифлисской гимназии сидели такие люди, как великий русский ученый и богослов о. Павел Флоренский, безвременно скончавшийся философ Вл. Эрдн и будущий священник и педагог А. В. Ельчанинов, которые затем в северных столицах, но преимущественно в Москве, продолжали свою школьную связь. Все они – каждый по-своему – определились в новом для того времени, но исторически давножданном религиозно-культурном типе, который естественно примыкал к более старшему поколению того же характера, плеяды мыслителей, писателей, богословов, поэтов нашего поколения (Тернавцев, Бердяев, Карташев, Вяч. Иванов, Гершензон, Розанов, кн. Трубецкие и др.). К ним же, естественно, присоединились и их молодые сверстники, как свящ. С. Свенцицкий, Андрей Белый, свящ. С. М. Соловьев, А. Блок и другие. А. В. Ельчанинов был любим и принят одинаково в кругах литературной Москвы и Петербурга, и везде с радостью встречалось появление студента с лучезарной улыбкой, с особой скромностью и готовностью слушать и запечатлевать эти бесконечные творческие беседы. В дружеских кругах его звали Эккерманом при Вяч. Иванове, а затем при о. П. Флоренском, с которым он вместе жил в Сергиевском посаде (кажется, он и сам, шутя, применял к себе это название). Начало этого века отмечено в истории русской мысли возникновением так называемых религиозно-философских обществ, сначала в Петербурге, затем в Москве, а позже и в Киеве. В них находили для себя выражение новые борения и искания, с их проблематикой и идеологией. Московское религиозно-философское общество «имени Вл. Соловьева» было основано осенью 1905 года, и первым его секретарем и неизменным сотрудником явился А. В. Ельчанинов (принимавший участие ранее того и в Петербургском религиозно-философском обществе), и он оставался на этом посту, пока для этого была внешняя возможность, неся по преимуществу невидимую, но незаменяемую организационную работу. Это была в то же время активная проповедь христианства, борьба с безбожием интеллигенции в ее собственном стане, – особая задача, выпавшая на долю нашего поколения и разрешавшаяся с посылкой искренностью и энтузиазмом, хотя и без решительной победы, если судить по теперешнему разгулу старого интеллигентского, разлившегося в массы атеизма. А. В. Ельчанинов, вместе с друзьями, служил уже здесь делу христианской миссии, которому позже отдал себя всецело как священник. Одновременно возникали и иные начинания в области религиозно-политической, с которыми А. В. Ельчанинов также был связан через своих друзей. Здесь речь шла об идейном и практическом преодолении традиционной идеологии, сливавшейся и отождествлявшейся политический абсолютизм с Православием. Но собственное призвание А. В. Ельчанинова было всегда не литературное, но личное общение с людьми, в частности с молодыми душами. Он был педагогом по призванию, и уже тогда было известно, какой исключительной любовью пользовался молодой студент среди своих учеников. И эта черта – особый интерес к воспитанию и умение установить личную связь и дружбу между воспитателем и воспитываемым – была особым даром о. Александра. Этой своей потребности он нашел удовлетворение позднее на поприще педагогическом, став во главе частной гимназии в Тифлисе.

Обстоятельства разлучили нас надолго, и наша новая встреча произошла уже в беженстве, в Ницце, где он разделял общую скорбную долю эмигрантского существования. При этой встрече для меня стало ясно, что он решительно перерос уже рамки светской педагогики, которая ограничивается наружными покровами души, не входя в самое сердце. Пришло время осуществить педагогический дар во всей его полноте – в пастырстве. «К почести высшего звания» – к предстоянию перед алтарем Господним, влекла его одинаково как его личная религиозная потребность, так и эта педагогическая стихия. И желанное совершилось, – с 1926 года

о. Александр – священник, занимающий скромное место при соборе Ниццы. Со всей открытостью своей чистой и верующей души внушал он небесные радости предстояния перед престолом Агнца и с христианским смирением и мудростью этого смирения принимал терния, которые неизбежно встречаются на пути этого служения, как и внешние трудности жизни, его не щадившие. Он отдался работе приходского священника, но мог ли он при этом забыть свою первую любовь – воспитание детства и юношества, конечно, уже на церковных началах? И нельзя было не поражаться и не радоваться, видя, с какой преданностью относились к нему его молодые друзья. То была какая-то простая и крепкая настоящая дружба. В этом совершалась та молчаливая и незримая пастырская работа над человеческими сердцами тех, кто с такой любящей скорбью отпускали его из Ниццы и теперь так глубоко и искренно его оплакивают. В это время в собственной духовной жизни почившего стали преобладать настроения аскетические. Он посвящал преимущественное внимание святоотеческой письменности.

Много даров у Бога, и Бог ведает пути Свои. Но человеческий глаз в редющих рядах старого культурного поколения, а в особенности в пастырстве, еще не видит новых заместителей опустевших мест, и по-человечески становится тоскливо и жутко. Однако не место этим чувствам там, где совершается воля Божия. Сеется семя в смерти, восстает в славе, и славим и благодарим Господа о всем!

Кланяясь отшедшему в вечность и творя ему вечную память, да будет мне дано соединить ее с памятью о всей той отшедшей эпохе, как и о тех друзьях, с которыми Провидение соединяло почившего и нас всех в этой жизни, и прежде всего тех школьных его друзей, из которых «иных уже нет, а те далече», с памятью о великой русской религиозной культуре.

«Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12, 24). Слава и вечная память всем отшедшим и ныне почившему брату нашему!

Прот. С. Булгаков

Отрывки из дневника¹

До священства – как о многом я должен был молчать, удерживать себя. Священство для меня – возможность говорить полным голосом.

* * *

Нет другого утешения в страданиях, как рассматривать их на фоне «того мира»; это и по существу единственная точка зрения верная. Если есть только этот мир, то все в нем – сплошь бессмыслица: разлука, болезни, страдания невинных, смерть. Все это осмысливается в свете океана жизни невидимой, омывающей маленький островок нашей земной жизни. Кто не испытал духовений «оттуда» в снах, в молитве! Когда человек находит в себе силы согласиться на испытание, посылаемое Богом, он делает этим огромный шаг вперед в своей духовной жизни.

* * *

Философствовать не есть богословствовать. «Если ты истинно молишься – ты богослов» (св. Нил. Синайский). Необходимо внутреннее совершенство, чтобы понять совершенное.

* * *

Что такое постоянное чувство неудовлетворенности, беспокойства, – обычное наше чувство, – как не заглушенный голос совести, говорящий в нас, помимо нашего сознания, и часто, помимо нашей воли, о неправде нашей жизни? И пока мы живем наперекор данному нам светлостному закону, этот голос не умолкнет, т. к. это голос Самого Бога в нашей душе. Обратное же, то редкое чувство полной удовлетворенности, полноты и радости, – есть радость соединения божественного начала нашей души с общей гармонией и божественной сущностью мира.

* * *

Почему всякое «наслаждение», «сладость» – грех? Потому что момент наслаждения есть момент усиления личного самочувствия, и чем острее наслаждение, тем глубже мой разрыв со всеобщей гармонией. От наслаждения – к самолюбию, от самолюбия – к разложению гармонии, от разложения – к смерти.

* * *

«Опасно плавать, будучи одетым, опасно и обуреваемому страстями исследовать тайны Божества» («Лествица»), – но из этого не следует, что не надо вообще богословствовать (как многие думают), а следует то, что надо избавляться от рабства страстей, и тогда нам могут быть приоткрыты «тайны Божества».

¹ Текст печатается с сохранением авторской нормы написания.

* * *

Все размышляю о тексте: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое»... При-
знаю, что мы Христовы – наши страдания; и чем больше мы страдаем, тем больше, значит, мы
«не от мира». Почему все святые, вслед за Христом, так страдали? Соприкосновение с миром
и погружение в него дает боль последователям Христа, а безболезненными себя чувствуют
только дети мира сего. Это – вроде безошибочной химической реакции.

* * *

Как бы ни был человек праведен и чист, а есть в нем стихия греха, которая не может
войти в Царство Небесное, которая должна сгореть; и вот грехи наши горят и сгорают нашими
страданиями.

* * *

Что умножает в нас духовную силу? – преодоленное искушение.

* * *

Присутствие в нас, существах конечных, бесконечного – любви, ведет к желанию смерти,
как входу в бесконечность.

Бог не оставляет нас и в нашей темной жизни, – в нашей молитве, в таинствах, в нашей
любви к Богу. Любовь к Богу есть доказательство Его общения с нами.

* * *

Жизнь – драгоценный и единственный дар, а мы бессмысленно и бесконечно тратим ее,
забывая о ее кратковременности.

Мы или с тоской смотрим в прошлое, или ждем будущего, когда будто бы должна
начаться настоящая жизнь. Настоящая же, т. е. то, что и есть наша жизнь, уходит в этих бес-
плодных сожалениях и мечтах.

* * *

Мнение о нас других людей – вот то зеркало, перед которым позируют почти все без
исключения. Человек делает себя таким, каким хочет, чтобы его видели. Настоящий же, как
он есть на самом деле, неизвестен никому, включая часто и его самого, а живет и действует
некая выдуманная и приукрашенная фигура. Это стремление к обману так велико, что человек
в жертву ему приносит, искажая свою природу, даже самого себя – единственное и неповтори-
мое, чем является каждая человеческая личность.

Зато как пленяет всякий раз встреча с человеком, свободным от этой язвы, и как мы
любим в детях, не вошедших еще в полосу сознательности, их полную простоту и непосред-
ственность. Но возможна и сознательная борьба, приход к простоте от этой усложненности. Во
всяком случае, осознать в себе присутствие этого зла – половина дела.

* * *

Какая радость быть священником! Вчера исповедовал целую семью. Особенно хороши дети, – два мальчика лет 7–8. Я весь вечер *был почти* в экстазе. Священство – единственная профессия, где люди поворачиваются к тебе своей самой серьезной стороной, и где и ты все время живешь «всерьез».

* * *

Как бы мы ни были слабы и худы порознь, но так радостно чувствовать, что для всех нас – одно самое главное.

* * *

«Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев... для чуждых закона, как чуждый закона... для немощных я был как немощный... для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9, 20–22), – надпись на могиле старца Амвросия и моя бессознательная тактика.

* * *

Гордый глух и слеп к миру, мира он не видит, а только свое во всем отражение.

* * *

Болезнь, – вот школа смирения, – вот где видишь, что нищ, и наг, и слеп (незадолго до смерти).

* * *

Как утешить плачущих? – плакать вместе с ними.

* * *

Беседа с Х. после операции рака, при непрерывных страшных болях («как будто собаки рвут и грызут»), при полной безнадежности положения и внутри и вовне, вот ее мысли: «мне кажется, я поняла, для чего Бог послал нам это несчастье: мы так погрязли в ежедневных мелочах, в мелкой злобе, раздражении, что Бог захотел встряхнуть нас. Как сейчас все изменилось, у всех открылись необыкновенные свойства души. Вчера со мною ночь провела Л.: что это была за ночь! а она была бесконечно ласкова, терпелива, все делала так тихо, так ловко. Да и все оказались такими добрыми, внимательными». Вот и смысл страданий! Господь бесконечно жалеет нас, но что делать, если мы можем дать какие-то искры, какой-то святой огонь, только когда нас поражают несчастья, катастрофы. В этом смысл войны, революций, болезней. Все это казалось гораздо многозначительнее вчера, в комнате умирающего человека, чем в этой бледной записи.

* * *

Все греховное в нас так живо, полнокровно, что наше обычное вялое покаяние никак не соразмерно с этой стихией греха, нами владеющей.

* * *

Обращать свои взоры в образы райской красоты – лучшее средство избавиться от плена ада, не отзываться на его зовы.

* * *

Мне часто кажется, что все шипы и тернии нашего жизненного положения точно устроены Богом для врачевания именно нашей души. В своей жизни я вижу это с полной отчетливостью.

* * *

В исповеди слабая память не оправдание; забывчивость – от невнимания, несерьезности, черствости, нечувствительности к греху. Грех, тяготящий совесть, не забудется.

* * *

Почти поголовное равнодушие на исповеди, особенно у мужчин. Благодарю Бога, что он почти всегда дает мне переживать исповедь как катастрофу.

* * *

Общее обыкновение – не говорить о грехах против 7-й² заповеди, как будто это не относится к исповеди, – это-де моя частная жизнь; многие, живущие в незаконных связях, и не упоминают о них, пока не спросишь, считая это дело вполне естественным.

* * *

В исповеди самое важное – состояние души кающегося, каков бы ни был исповедующий. Важно ваше покаяние, а не он, что-то вам говорящий. У нас же часто личности духовника ошибочно уделяется первенствующее место.

* * *

Когда тебя охватит чувство злобы к кому-либо, то представь себе, что и ты и он должны умереть, – и как перед этим станет ничтожна его вина и как не права твоя злоба, как бы она ни была права формально.

² не прелюбодействуй

* * *

Препятствия к молитве – от слабой, неправильной, недостаточной веры, от многозаботливости, суесть, занятости мирскими делами, от грешных, нечистых, злых чувств и мыслей.

* * *

Болезнь самое благоприятное время для возвращения в свое сердце, к Богу. С выздоровлением эта возможность опять отходит в бесконечную даль.

* * *

Ставшему на путь духовного совершенствования, следовавшему за Христом, явна, совершенно внутренне для него убедительна делается единственность этого пути. Мало ставших на этот путь, но зато почти нет раз ставших и возвратившихся назад. Согласно обещанию Христа, всякий ищущий обретает.

* * *

Для веры страшна не отрицательная полемика, не испытание ее умом – это испытание она выдержит. Ей страшна в нас слабость духа, «сердечное отступничество» (выражение Киреевского).

Те, кто хотят доказательств для своей веры, – на ложном пути. Вера – свободный выбор, и там, где есть хотя бы скрытое даже о самого себя желание доказательств, – нет веры. Знаки Божоявления не надо принимать, как «доказательства», – этим мы снижаем, перечеркиваем подвиг веры.

* * *

Чувство своей глубокой греховности у святых – от их близости к источнику света – Христу.

* * *

Как затруднено для нас приближение к Богу, для некоторых особенно, где все – и сама природа, наследственность, весь состав человека ставят стену между ним и Богом.

Вот тип человека, часто встречающийся: в нем соединение трех черт – 1) гордость, вера в свои силы, упоение своим творчеством, 2) страстная любовь к земной жизни и 3) отсутствие чувства греха. Как такие люди могут подойти к Богу? Таковы, как они есть, – они безнадежно изолированы от Бога, лишены даже потребности в Нем. И этот тип культивируется современной жизнью, – воспитанием, литературой и т. д. Идея Бога вытравлена в его душе, и какие нужны катастрофы, чтобы такой человек мог возродиться!

* * *

Три ряда впечатлений: евангельское чтение о гадаринском бесноватом, наблюдение в Соборе за одним сумасшедшим и чтение главы о зле и свободе у Бердяева («О назначении человека»), «Свобода не сотворена Богом», «Она первична и безначальна». С Бога Творца снимается, таким образом, ответственность за свободу твари. Человек одновременно дитя Божие и дитя хаоса (свобода); небытие свободно согласилось на бытие, но оно же отступило в ад и хаос. Вот истоки греха и безумия – хаотическое своеволие, вместо добровольного и свободного подчинения светлому закону. «Я пришел, чтобы имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10, 10).

* * *

Есть религиозность, тесно спутанная с эмоциями эстетическими, сентиментальными, страстными, легко уживающаяся с эгоизмом, тщеславием, чувственностью. Люди этого типа ищут похвалы и хорошего мнения о них духовника, исповедь их очень трудна, так как они приходят на исповедь, чтобы пожаловаться на других, поплакать, они полны собой, легко обвиняют других. Недоброкачеством их религиозной экзальтации лучше всего доказывается легким переходом к раздражительности и злобе. Люди этого типа дальше от возможности настоящего покаяния, чем самые закоренелые грешники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.